

ГОРИЗОНТЫ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В НЕОПРАГМАТИЗМЕ РИЧАРДА РОРТИ

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Б. Л. Губман

Оригинальные взгляды современного американского философа Ричарда Рорти сформировались под воздействием множества различных мыслителей прошлого и современности. В статье сделана попытка проследить происхождение его основных идей, их связь с мыслями предшествующих философов, а также внутренние логические связи, и выделить особенности, позволяющие говорить о цельной философской системе Рорти. Автор также показывает взаимосвязь философских и социально-политических взглядов американского философа. Дается краткий критический разбор основных противоречий системы взглядов Рорти. Сделан вывод о возможной практической ценности его мыслей для современной ситуации.

Ключевые слова: *постмодерн, прагматизм, Ричард Рорти, современная социальная философия.*

F. Yefremov

HORIZONS OF POSTMETAPHYSICAL THINKING IN RICHARD RORTY'S PHILOSOPHY

The original views of Richard McKay Rorty, a known contemporary American philosopher, were influenced by ideas of many other thinkers of the past and present. The author of the article tries to track the origin of the philosopher's basic thoughts, their inner logical ties with the ideas of the preceding thinkers. The author also shows the authentic features of Rorty's philosophy and the correlation of his philosophic and socio-political views. The critical analysis of contradictions among the main thoughts of the American philosopher is carried out. The author comes to a conclusion that the philosophy of Richard Rorty has possible practical importance in contemporary society.

Key words: *postmodern, pragmatism, Richard Rorty, contemporary social philosophy.*

Оригинальные взгляды современного американского философа Ричарда Рорти сформировались под воздействием таких разных мыслителей прошлого, как Г. В. Ф. Гегель, Д. Дьюи, Ф. Ницше, Ч. С. Пирс, З. Фрейд, М. Хайдеггер. Кроме того, Рорти активно использует работы современных философов: Л. Виттгенштейна, Х.-Г. Гадамера, Ж. Деррида, Д. Дэвидсона, В. В. О. Куайна, Т. Куна, Х. Патнэм, У. Селларса, М. Фуко [9]. Не соглашаясь с их взглядами целиком, он заимствует у них отдельные мысли, затем развивая их и нередко давая им новые трактовки.

С такими философами, как Б. Рассел (как один из главных представителей аналитической философии) и Ю. Хабермас (как продолжатель идей мыслителей «франкфуртской школы» и создатель теории, в некоторых местах прямо оппонирующей системе Рорти), американский философ активно спорит, но в деталях и соглашается [1].

Систему взглядов Рорти, наиболее подробно раскрываемую им в [7] и [5], можно кратко охарактеризовать как:

1) прагматическая (он разворачивает свою систему, основываясь на достижениях

мыслителей прагматизма и неопрагматизма, а также уделяет первостепенное значение вопросам применения своих идей на практике, в реальной социальной и политической жизни);

2) социально-политически и социокультурно ориентированная (взгляды Рорти опрделенно либеральные и даже либертарианские);

3) постметафизическая (Рорти исповедует историцизм и радикальный контекстуализм, доходящий, как считают некоторые исследователи [8], до релятивизма).

Американский философ прослеживает развитие западной философской мысли, показывая, как в Новом времени основанием философии постепенно становится субъект-объектная теория познания, построенная на парадигме разума как «зеркала Природы». Объективирующая познавательная модель системы Декарта, а затем теоретическая база философии Канта упрочивают понимание познавательного процесса как постижения объективного мира путем теоретического рассуждения, рациональных априорных синтетических актов. Более правильный ход рассуждений позволяет добиться все более точного познания объективного мира сознанием познающего субъекта. «Объективным миром» в этой «философии субъекта» является все, кроме субъекта; исходя из этого, можно сделать вывод о том, что подобная модель познания годится не только для точных наук, но и для социальных исследований (и такой вывод был сделан). Еще шире: философия Нового времени применяет указанную модель познания не только к познанию научному, но и вообще к каждому познавательному акту. Любое суждение может быть по крайней мере теоретически проверено на соответствие действительности – «вещам как они есть», и задачей познания является как раз постижение «внутренней природы», реального содержания вещей и проверка истинности суждений о мире. Это задача реализуется путем нахождения верного метода познания, как бы «технологии», дающей описание наиболее точных и обобщенных рациональных способов получения истинного знания о ми-

ре. Истинность понимается здесь в абсолютном смысле, не зависящем от времени и места. «Философия субъекта» обязательно прямо или косвенно предполагает, что слова, обозначающие объективные и абсолютные сущности, такие как всеобщая Истина, Благо и т. п., имеют реальное содержание. Если познание этих сущностей на практике и невозможно в полной мере, то философская мысль, по крайней мере, стремится к нему приблизиться.

Рорти критикует такую теорию познания. Он демонстрирует, что теории, полагающие сознание как «зеркало Природы», в итоге основываются на одних и тех же основных трансцендентальных предпосылках – положениях, рационально доказать которые, не прибегая к «аргументации по кругу», невозможно. По его мнению, Гегель первым убедительно продемонстрировал историчность и относительность результатов нашего познания мира. Однако гегелевская мысль сама еще находится в пределах метафизики и «философии субъекта». Для попыток пре-взойти эти пределы очень большое значение здесь имеет философия Ницше, и Рорти вслед за другими мыслителями постмодерна отдает большую дань его идеям, но окончательное прощание с «метанарративами» происходит только в философии XX в.

Американский философ не считает, вслед за Ницше, что любое наше знание о мире – это фикция, т. е. ложь, по тем или иным причинам удобная нам. Он полагает, что правильнее будет вообще не делать никаких заявлений, как положительных, так и отрицательных, касающихся «истинного положения дел». По его мнению, указанная посылка Ницше содержит в себе противоречие, возвращающее нас к «зеркальному», метафизическому способу мышления: чтобы утверждать, что одно или все высказывания о мире ложны, нужно как раз обладать истинным знанием, невозможность которого немецкий мыслитель и желает показать [8]. Вместо этого, по мнению Рорти, нам следует принять прагматическую точку зрения на истинность как на результат соглашения между членами той или иной группы людей. Таким образом,

истина лишается своего трансцендентного статуса, она всегда определена в пространстве и времени, а ее общим критерием становится «полезность» – практическая применимость для целей, которые желает достичь указанная конкретная группа людей.

Рорти выступает как прагматист и тогда, когда обосновывает само предлагаемое им изменение способа философствования. Он признает за метафизической философией Просвещения и Нового времени заслуги в делах обоснования либерализма и увеличения личной свободы человека в обществе, но считает, что современный либерализм более не нуждается в трансцендентальной «легитимации» подобного рода. Более того, такая легитимация и невозможна, потому что для человека современного общества «Бог умер», причем понимать это следует в широком смысле, как потерю интереса ко всему над- и внечеловеческому [5, с. 44]. Здесь Рорти в качестве своего «союзника» снова привлекает Ницше, но еще больше – Хайдеггера, оригинально, хотя и неоднозначно, трактуя понятия его философии, показывая его не только как антиметафизика, но как прагматика и даже либерала [2].

Считая, что философская мысль не должна интересоваться чем бы то ни было надчеловеческим, Рорти лишает традиционную философию неотъемлемого объекта ее внимания и интереса. Вслед за этим он, опираясь на исследования «философов языка», в первую очередь Дэвидсона, а также на идеи Деррида и Фуко, вновь подвергает критике философскую эпистемологию. Мы не способны постичь своим сознанием не только реальный мир, но и мысли других людей: ведь единственный способ это сделать – использовать язык, но применяемые нами словари конечны, ограничены в пространстве и времени, а главное, всегда различны у нас и нашего собеседника. И любой «метасловарь», как и метанарратив, не будет адекватным и практически полезным для целей диалога.

Поэтому Рорти предлагает заменить традиционную эпистемологию, нацеленную на поиск и выявление изначально смысла сказанного, герменевтикой и литературной

критикой, понимаемой им широко, буквально как «то, что позволяет продолжаться разговору» [3, с. 37]. Философия, таким образом, из университетской дисциплины и гуманитарной науки в целом станет чем-то иным. Американский философ, в частности, считает, что у философов остается важная задача посредничества в диалогах людей различных культур. Кроме того, убеждая других в преимуществах демократического устройства общества, они будут приближать наступление желаемой «либеральной утопии» [6]. Важно, что он не отрицает возможность диалога и убеждения собеседника в преимуществах своей точки зрения, однако с учетом сказанного считает, что такой диалог не должен быть основан на рациональной аргументации. Доказывание, рациональное аргументирование – это использование одного из вариантов «метаязыка», что непродуктивно в описываемой Рорти ситуации множества гетерогенных и непереводаемых «конечных словарей». Собеседника следует «соблазнять», в процессе языковой игры убеждать принять твою точку зрения, причем доводы здесь могут быть какими угодно, единственный критерий их применимости – получаемый результат, эффективность [9].

Именно «либеральная утопия» и есть, видимо, главный довод Рорти в пользу выбора именно такого способа философствования [4]. Он верит в значимость общественных ценностей современных демократических стран Запада, изначально построенных на метафизических основаниях, таких как христианская мораль и Всеобщая декларация прав человека, и желает соединить стремление к этим ценностям с постметафизическим взглядом на мир и человека, пронизывающим современные общества. Рорти принципиально желает разделить в человеке «публичное», общественное, все необходимое для успешного сосуществования людей в обществе, и «приватное», личные стремления и желания каждого человека [5, с. 93]. Общественные отношения, язык и «словарь», более или менее общий для конкретного общества в конкретное историческое время, случайны – в том смысле, что не являются результатом це-

ленаправленного приложения каких-то волевых усилий, напротив, их никто не формировал целенаправленно, и произвольны – потому что существует или может существовать одновременно много других способов описания бытия, и ни об одном из них нельзя сказать как о менее других истинном или адекватном. Однако они – то, что скрепляет общество, что дает его членам уверенность и желание жить вместе, поэтому Рорти приветствует веру в «свой» словарь как наилучший. Но любая вера держится на основании, которое принадлежащие к ней люди считают «заведомо», априорно, аксиоматически важным и необходимым. Таким основанием «либеральной утопии» американский философ считает солидарность, понимаемую как равнодушие и чувствительность к боли, страданиям и унижению другого человека, как бы ни были различны «словари» [5, с. 183]. Солидарность становится для Рорти универсальным критерием, объясняющим желательность «убеждения» людей других культур и укладов жизни в преимуществах либерального общества.

Что касается «приватной» сферы жизни, то в современном обществе, где больше не действуют метафизические сущности, у людей нет веры в какой бы то ни было предза-

данный, единый для всех смысл жизни как индивидуального существования. Рорти показывает, что современный человек, даже не будучи «ироническим интеллектуалом», все равно в значительной степени разделяет номинализм и иронизм, полагая, что нет смысла говорить о «реальном содержании» слов или «внутренней природе» вещей. Американский философ, полагая это закономерным и правильным, предлагает единственный критерий успешности выбора – личное счастье человека, понимаемое эмпирически, т. е. «по факту» его наличия или отсутствия. Впрочем, он намечает критерии поиска счастья: он считает, что счастье человека как наиболее полная его самореализация достигается, когда его жизнь максимально определяется его собственными желаниями, когда она не похожа на жизни других людей, а переписана его собственным «приватным словарем» [5, с. 46]. Здесь мы видим происхождение еще одной причины, по которой Рорти придает большую ценность литературе: чтение художественных текстов, описывающих жизнь людей разнообразных культур, их стремления и решения, помогают нам самим определить свой уникальный жизненный путь и личный смысл жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалог с Ричардом Рорти / пер. С. Львовского // Textonly. № 1. 1999. Сентябрь.
2. Колесников А. С. М. Хайдеггер глазами Р. Рорти // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации: материалы научной конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
3. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. № 3. 2003.
4. Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм / пер. и примеч. И. Джохадзе // Логос, 1999. № 9 (19). С. 96–104.
5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
6. Рорти Р. Философия и будущее. // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29–34.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
8. Рыбас А. Е. Рорти и Ницше: спор об истине // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб. Сайт Web-кафедра философской антропологии, 2003. С. 130–135.
9. Юлина Н. С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История Философии. № 1. 1997.

REFERENCES

1. Dialog s Richardom Rorti / per. S. L'vovskogo // Textonly. N 1. 1999. Sentyabr'.
2. *Kolesnikov A. S. M. Khaydegger glazami R. Rorti // Sovremennaya filosofiya kak fenomen kul'tury: issledovatel'skiye traditsii i novatsii: materialy nauchnoy konferentsii.* SPb.: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2001.
3. *Rorti R. Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov // Voprosy filosofii.* N 3. 2003.
4. *Rorti R. Postmodernistskiy burzhuazny liberalizm / per. i primech. I. Dzhokhadze // Logos,* 1999. N 9 (19). S. 96–104.
5. *Rorti R. Sluchaynost', ironiya i solidarnost'. M.: Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo,* 1996. 280 s.
6. *Rorti R. Filosofiya i budushcheye. // Voprosy filosofii.* 1994. N 6. S. 29–34.
7. *Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody.* Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1997. 320 s.
8. *Rybas A. E. Rorti i Nitsshe: spor ob istine // Rabochiye tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filosofiya i komparativistika.* SPb. Sayt Web-kafedra filosofskoy antropologii, 2003. S. 130–135.
9. *Yulina N. S. Richard Rorti: razgovor «cherez epokhi», «v epokhe» i istoriografiya filosofii // Istoriya Filosofii.* N 1. 1997.